

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ САЛАНГАМЕНЬ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Л

И

Т

Е

Р

А

М

Е

Н

Итературный

Альманах

Народа Звезды

Вып. 41. Селена

Сима

Сириэль

Слава Поляков

(гр. "Зелёная Миля")

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 41.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2014;

а также авторы журнала:

Селена
Сима
Сириэль
Слава Поляков (группа «Зелёная Миля»)

Algidus
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

ГЕНЕРА

* * *

Маре

Бросая тихий свет из-под ресниц,
Взираешь ты на жизнь из стопок вечных истин.
И мысли стаею нетленных птиц
Летят в неведомую синь, воссозданную чьей-то кистью.

Ты принимаешь этот странный мир,
Хоть кто-то часто смотрит и не видит света в чуде.
Ты пьёшь из сути эликсир
И чувствуешь, что всё — не просто так,
что люди все — не просто люди.

И, возрождаясь в сотый раз,
Оглядываясь вниз, стремишься ты к зовущей выси разума.
Отталкивая ворох бесполезных фраз,
Ты расправляешь крылья и летишь...
хотя... тобою здесь ещё не всё досказано...

Кёнигсберг

...А город дышит призраками прошлого
И дарит мудрость времён язычества.
Направив стрелы окон в высь замёрзшую,
Пронзает готику электричеством.

В солёных брызгах тает янтарём
И проливается слезами на землю пруссов,
В морозных руках рябин горит огнём —
Любви хватит всем — и тевтонам и руссам.

Синь небесную протыкая соборными шпилями
И умножая добро Христа молитвами,
Во времени супермаркетов несётся дней милями,
Озвучив звоном мечей и оттремевшими битвами...

Моя звезда мечты

Прошу тебя, сияй, моя Звезда.
Лети, лети, ну, хоть на край Вселенной.
Дари тепло моей души и свет Добра
Всем, кто нуждается, кто ждёт и внемлет.

Сияй, сияй. Пусть одиноко в темноте —
И будешь ты единственной надеждой,
Но знай, что даже в полной пустоте
Ты родишь порыв чудесный, нежный.

Ты будешь вечной истиной во мгле,
Ты свет мечты в моей реальной жизни.
Но знай, ты не одна, ты не во сне,
И тысячи таких, как ты, с тобою вместе

Несут добро и свет. Моя звезда мечты,
Ты будешь в моём сердце навсегда,
И сохранишь во мне мерцанье чистоты,
Надежды луч и свет добра.

Мир звёзд

Ночь. Звёзды. Тишины река.
Луна. И в звёздном небе облака.

Пыль бесконечности со сном мешая,
На небо кто-то Млечный Путь забросил,
И ветер в колыбели ночь качает,
И в лунном свете серебрится веток проседь.

Спокойствие вдыхаю полной грудью.
Лечу в объятия вселенской теплоты.
И перед звёздами раскрою
Судьбе я все свои мечты.

Всегда я думаю о звёздном небе,
Я нахожусь на перепутье всех времён.
Ведь люди сквозь рубеж тысячелетий
Свои мечты угадывали в нём.

Я не хочу заснуть и не хочу проснуться,
Хочу остаться в звёздном небе навсегда.
Здесь нет улыбок, тех, что ложью обернутся,
Печаль и боль здесь тают без следа.

И я хочу кусочек звёзд вселенной
Забрать с собой в реальный мир
И поделиться им и жизни светом,
Всех звёзд надежду подарить другим.

* * *

Мы идём по чужим следам,
Нас сдувает чужими ветрами,
А кому дано угадать,
Что скрывается за словами?

Кто-то смотрит тебе в лицо,
Говорит, улыбаясь открыто.
А глаза... Пробирает мороз,
Синей плесенью чувство пробито.

Вы считаете лучше других себя,
А глаза приникают и слушают.
Я вам душу открою сама,
Но не лезьте ко мне вы в душу.

Вы не верите в мой личный мир,
Не соглашаетесь с моей реальностью,
И вам дорог ваш умственный тыл,
Прикрываемый рациональностью.

Но послушайте, я ведь живу,
Я ведь мыслю, хотя и любую
Точку зрения смело приму,
Не отрицая при этом другую.

Если честно, то можете жить,
Вычисляя квадраты, считая случайности.
Я же буду летать и творить, —
И, позвольте, в *своей* реальности.

* * *

На перекрёстке всех путей.
Навстречу ветер, ветер в спину.
Не уловить души ничьей.
Одна на перекрёстке стыну.

Вперёд? Назад? Налево? Вправо?
Куда пойти и где искать себя?
Но я мечтать не перестану,
И в вышину глядят глаза.

Пронзает ветер шипами холода,
И сердце в лапах когтистой печали
Раздавлено, сжато, в осколки расколото,
И звёздами слёзы на щеках замерзают.

Я себя обнимаю за плечи руками,
Преклонив колено пред вечностью мира.
Я закрою глаза, мои веки устали,
Но то чувство внутри меня ещё живо.

И я знаю, что встану, как бы ни было сложно,
Что, раскинув руки, сорву голос без звука...
Докричаться до кого-нибудь всё-таки можно,
Но лишь до того, кому это нужно...

* * *

От лжи и от страха
Ухожу в самоволку,
Словно загнанный зверь, раздирая клетку из стали.
А снаружи меня дожидаются братья-волки.
Хоть я и кошка, но мы по душе — одна стая.

Нам послали вслед псов, убивающих взглядом,
Преграждая путь флажками нормы и правил.
Только теперь наш мир уже рядом,
И каждый на карту готов всё поставить.

Разбивая преграды, оставляя в шкуре осколки,
Мчится стая навстречу свободе и ветру,
И неважно, кто в ней, кошки ли, волки —
Несётся она, ища на вопросы ответы.

* * *

Пересеклись пути, и встретились их души.
Глаза в глаза, казалось, навсегда...
Вода с огнём на чёрствой суше
Бумажных отношений, где из мрамора сердца.

Взлетели звёздами их мысли в высоту,
И искрами надежда засияла.
И опустилось в пустоту
Всё то, что раньше угнетало.

Короткий миг случайной встречи
Не повторится никогда...
Он уходил в туманный вечер,
Она в другую сторону пошла.

Им не дано узнать, что было б,
Коль задержались бы ещё на пару слов.
И это будущее растворилось
Среди несбывшихся надежд и снов.

Ну почему проходят мимо люди,
Закрыв души своей тепло?
Быть может, больше случая не будет,
И, не найдя, ты потеряешь то,

Что дорого, того, кто есть твоя судьба...
Лишь та душа, что будет в вечности с тобою,
Твоя любовь, твоя борьба,
Твоя надежда, твоя воля.

Открой свой мир, разбей стекло вокруг,
Оно ведь не даёт тебе дышать.
Расправь крыла, взмахни, и вдруг
Поймёшь, что можешь ты летать.

Путь

Я не могу найти себя...
Когда мне кажется, что нахожу —
Я понимаю, что — не я,
И снова в поиск ухожу.

Но где же я, а где не я —
Вот в чём загадка бытия...

Вот, кажется, всё хорошо —
Но новый поворот судьбы,
И понимаешь, что прошло.
Что не могло пройти.

Ты понимаешь, что всё ложь,
Весь мир — игра воображенья;
И вновь по улице идёшь
И ищешь правды отраженье.

Но где тот лучик озаренья,
Что сможет истину зажечь?
И я пишу стихотворенье
В надежде наконец прозреть,

Открыть глаза на мир, который с виду мрачен,
Но в нём есть место счастью и любви,
И вдруг понять — всё нужно так, а не иначе:
Чрез путь познаний сможешь ты себя найти.

Семь веков

Стонали чайки вдалеке,
И в море шумном затухал закат,
И волны таяли в песке,
Как семь веков тому назад...

Она сидела, глядя в даль,
И огоньки от умирающего солнца
В глазах светились... И печаль
Давила прессом стронция.

Ей вспоминалось то, что не было сейчас,
Что не могло быть с ней при этом воплощенье.
Ей чудилось, что мира дух угас
В её душе, и боль, и непростенье....

*

Они шли об руку рука —
Не такие как все, другие.
Их не страшила времени река —
Они нашли друг друга в этом мире.

Но день прошёл, и стал ни свет ни тьма,
Вкруг замка полчища убийц из тени.
И не забудут их в века,
Их кровь впитали стены.

Был бой, и ужас, и отчаянье в бессилье.
Казалось, это будет без конца.
И нескончаемый поток сметал сердца и жизни,
Стирая свет с земли лица.

Повсюду смерть и пустота
Царили в сером мраке,
И тишина, лишь иногда
Были от горя собаки...

Они всю силу отдали в борьбу,
Лишь только чудом уцелели,
Но помешали проклятому злу
Достигнуть своей цели.

Идя сквозь смерть и дымку мглы
И еле сдерживая слёзы,
Они дошли, они нашли
Друг друга... Поздно...

Он обернуться не успел, не смог...
Как тварь под его ногами
Вонзила в сердце острый клинок,
Последний вздох испуская...

Он умер тихо на её руках,
Коснувшись рукой щеки,
Сказав: «Люблю... я с тобой на века...
Мы встретимся... точно... Прости...»

Лишь ветер слышал безмолвный крик
Из чрева разорвавшегося сердца.
Один лишь миг, короткий миг —
И горе, ужас, боль, и не согреться...

Она промолвила: «Точно... прости...
Мы встретимся... да, я знаю...
Я чувствую, близко начало пути...
И я за тобой улетаю...

Для меня больше нет здесь цветов...
Пусть счастливы будут другие.
Освободясь от земных оков,
Я найду тебя потом в этом мире...»

Ночь накрыла всё куполом в выси,
Холодно звёзды горели.
Завтра будут новые жизни
Для других, других поколений...

Сон позвал её тихо, нежно,
Укутал теплом от боли.
Ей стало спокойно как прежде.
Они вместе... А здесь... довольно!

Взглянув последний раз на то, что было,
Она упала рядом с ним.
И на рассвете серого светила
Она покинула бесцветный мир...

Сон

Серебро Луны печальным ликом
Звёздной ночью освещает небеса.
Облака плывут во тьме убитой,
Лебединым пухом прикрывая ей уста.

Тишина течёт рекой усталой,
Ветер крылья ангела несёт.
И сверчок, не изменив мотив свой старый,
Песню нежно тихую поёт.

Я возьму две нити времени в ладони,
Растворюсь сквозь измерений след.
И никто уж мысли ход мой не догонит —
Я во сне, и в этом мире меня нет.

Где душа летает — неизвестно —
Что за мир сегодня выбрала она,
Лепестками роз устлав чудесно
Волны набегающего сна...

Среди ирландских холмов

Среди Ирландских холмов, под шум Северных волн
Рождалась песня, летящая с неба,
Арфами кельтов, горном Древних богов,
Птицею в высь летела.

Лепестками соцветий времена рассекая,
Закружит нас в вихре столетий.
И из всех нам родных мы её выбираем,
Мы — Земли этой гордые дети!

Нас согрели Костры светлой силы и воли,
Песни пели нам Ветры свободы,
Нам Земля в дар сулила исцеление боли,
Тайны истин шептали нам Воды.

Нас учили летать птицы Древнего мира,
Духи трав в трудный час утешали.
Мы все знали, что будет, что есть и что было.
И свой мир, как могли, сохраняли.

Нас привёл сюда путь слепой жажды познания
Влаги той, что зовёт себя роком.
Быть здесь и сейчас — это наше призванье —
И в каждом — искра пророка.

И проснутся в душе звуки флейты далёкой,
И с холмов древних гор — свежих ветров порывы,
И крыла вознесут над туманом высоким...
Мы — гордые дети! Мы — здесь! И мы — живы!

Устала

Устала...
Ложь. Лицемерие и Злоба.
Летала...
И нужно было мне немного.

Я пела
О счастье, любви и о свете души,
Но крылья мои отобрать хочет жизнь.

Я знаю, что всё — испытание рока.
Пытаюсь идти, но судьба так жестока.
И всё-таки верю: сумею пройти.
Я буду бороться за право светить.

Я буду бороться за понимание,
За веру в людей, за сострадание.
Я докажу, что могу я, судьбе,
И имя теперь «Возрождение» мне.

И я кричу безмолвной тишиной,
И к чувствам, к сердцу, к разуму зываю.
Неужто нужно жертвовать собой,
Чтоб люди просыпаться стали?!

И ведь у каждого своя звезда...
Вы эти звёзды позабыли...
И не осталось ни следа
Средь хама каждодневной пыли.

И сколько звёзд ещё должно погаснуть,
Чтоб человечеству очнуться ото сна?
Сколько сторит сердец, светящих ясно,
Чтоб вы задумались о смысле бытия?

Gama

Дурь-4

Действующие лица

Мужик из Нарофоминска — Мин
Баба оттуда же — Ботже
Баба не из Нарофоминска — баба Нина
Председатель Никого
Собака Душа
Кошка Совесть
Алкаш Кто-Нибудь
Пахарь Никто
Продащица Дура
Местная Пыль

действие происходит Нигде

Явление 1

Жили—были мужик из Нарофоминска (Мин) и баба оттуда же (Ботже). И Где они не жили. А жили они Нигде (деревня так называлась), и был в Нигде колодец, и была там злая вода. Мин делал из той воды сок и лепил надпись «Добрый» — прикалывался. А потом всё это злое зелье, со всеми его 40=кА градусами не по Цельсию продавал никаким мужикам (бабам). Ботже пекла печенье «Затяжное», его вечно затягивали с доставкой, и отправляли не Туда.

В Туда, конечно, злились, но сок «Добрый» их удобрял и они становились удобрёнными.

И вот однажды Мин и Ботже пошли продавать товары своего изготовления в соседние деревни. Идут и видят:

— Ну, куда пойдём — спрашивает Мин.
— Э-э-э-э-э...
— Нет, туда не пойдём. Пойдём лучше Туда!
— А может, Не Туда.
— Вот и иди Не Туда, а я пойду Туда!
И пошёл Мин Туда.

Явление 2

Идёт и бормочет Мин себе под нос:
— Наверное, никто опять не будет пить мой сок.
— Конечно, не буду — сказал работающий в поле Никто.
— Ну, хоть Кто-Нибудь будет пить мой сок? — произнёс Мин.
— Отчего же не выпить, конечно, выпью! — выползая из канавы, сказал Кто-Нибудь.

Явление 3

Тем временем, Ботже пришла в Не Туда. Она успешно продала печенье и пошла в магазин, чтобы купить плёнку для фотоаппарата «Не Олимпус». Плёнка ей нужна была, чтобы сфотографировать новую партию печенья для рекламы. Она зашла в магазин и попросила плёнку.

— Кодак? — спросила продавщица
— Нет, Другую — ответила Ботже.
— Коника?
— Другую мне!
— Фуджи, что ли?
— Говорю же — Другую!!!
— Не понимаю я вас, бабуля, могу предложить «Суперия».
— Да Другую мне!!!!!!!!!!!!

В конце концов, Ботже добилась от продавщицы того, чего хотела и купила-таки Другую плёнку. На ночь она остановилась у своей подруги бабы Нины (не из Нарофоминска), испекла новую партию печенья, сфотографировала его, перемотала плёнку, засунула её в конверт и сделала пометки на конверте: «Не все хорошие», «Не все подряд», «С претензиями», чтобы нарофоминские умельцы сделали всё наоборот.

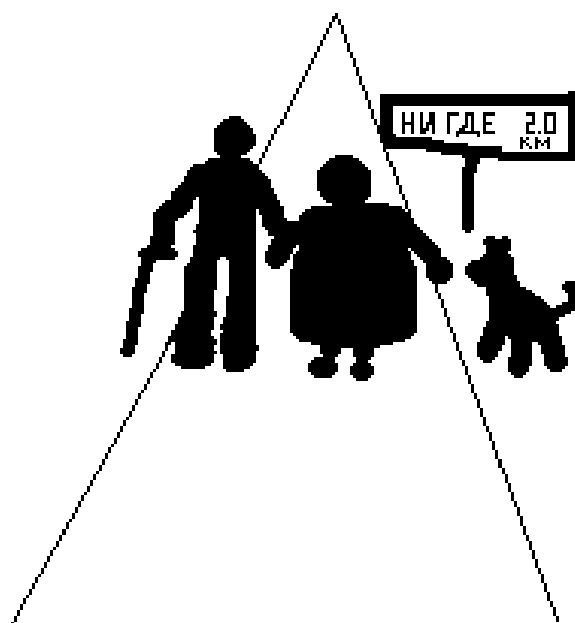
Явление 4

Пока Ботже пекла печенье да воевала с продавщицей, Мин забрёл на сельскую дискотеку — отмечали день рождения председателя. На празднике быстро раскупили зелье Мина и стали петь песни. А потом мужики позвонили на радиостанцию «Азия минус» и заказали песню председателю. Так и сказали: «Передаём песню для председателя колхоза Туда, в исполнении группы Агата Кристи. Итак, «Опиум» для Никого! Председатель отрывался по полной, но не оторвался окончательно, так как нитки от его брюк накрепко прицепились к стулу.

Явление 5

Утром Ботже отправилась домой со спокойной Душой — так звали собачку, которая бегала за Ботже с самого вечера. Ботже шла и думала о чистой Совести, кошке, которую она помыла перед походом в Не Туда.

На перекрёстке Ботже нашла в канаве Мина. Он лежал и улыбался от счастья. («Счастье» — это была самогонка местного разлива). Ботже подняла Мина и стряхнула с него пыль. Пыль недовольно поморщилась, поправила платье и пошла по направлению к деревне, а Ботже, Мин и Душа пошли по дороге домой — печь печенье, гнать сок и гонять местных кошек и кур.

КОНЕЦ

Глюк

На столе лежит синенькая записная книжка в джинсах с кармашками. Рядом развалились ножницы. Гольшом, без коробки. Около них — зонтик. Раздетый; чехол лежит на другом конце стола. Только пять булавок ведут себя прилично — застёгнуты. А развратные фотографии завалились друг на друга и валяются так уже часа 3... Я сижу и наблюдаю их всех. Они загорают под лампой. А где же ещё? Вечер всё-таки...

К компании присоединилась косметичка. Тоже расстегнулась. Сижу в развратном обществе, которое не прочь поболтать. Ножницы лежат молча и только смотрят большими круглыми серыми глазами во все стороны. Булавки обсуждают свои последние приколы, фотографии вообще говорят обо всём и сразу. Косметичка жалуется на свой внутренний душевный беспорядок, плюётся ватой и давится бумажными платочками. Записная книжка беседует с зонтиком на тему общих знакомых. У неё часть в чёрном списке, а он, сволочь такая, их от дождя укрывал. На стол пришли две прищепки и сразу стали всем рассказывать, где они в последнее время зависали. Тут же откуда-то свалилась зажигалка. Прищепки сообщили, что она вчера классно зажигала на кухне. Вообще, вещи так разорались, что не было слышно уличного шума. Только ножницы молчали и мечтали кого-нибудь порезать. Фотографии, словно услышав их мысли, отодвинулись подальше.

Забавные они. Я вот сижу уже третий час и их наблюдаю.

И мне не надоело. А я — Глюк.

И я у тебя... =)

Город

Между землёй и небом город.
Город давно проигран небом,
Город привык, что на крышах порох,
Город не знал, что такое победа.

Стены домов под грехами скосились,
Стёкла от бед людских почернели.
Многие думают — это приснилось,
А остальные в это не верят.

Бой продолжается, боги воюют
Между собой — целый мир на кону.
А проиграют — об этом забудут
И не узнают ошибку свою.

Но всё же, пока продолжается битва,
Люди в городе небу верят.
А под землёю, в замке разбитом
Кто-то уже добычу делит.

Сколько так будет и кто победитель, —
Вряд ли люди об этом узнают.
Вряд ли узнают, придёт ли спаситель.
Небо с землёй на жизни играют.

Только останется пепел от битвы,
Братских могил небольшие холмы.
Храмы разбиты, молитвы забыты;
Боги уходят с сожжённой земли.

* * *

Музыка ветра под потолком.
Музыка смерти наполнит дом.
Некому в доме больше жить.
Ветер останется в доме выть.

Только на улице старый пёс
Настороженно поднял нос.
Молча лежит и чего-то всё ждёт.
Ветер собаку никак не поймёт.

Знает собака — хозяина нет.
В доме не загорится свет.
Ветер останется в доме выть.
Собака на улице — сторожить.

Գրքեր

Августовская ночь

Светит Луна, падают звёзды,
Шёпот листвы раздаётся в тиши.
Сон мне сказал: «Мечтать слишком поздно».
Сон мне сказал: «У тебя нет души».

Летучие мыши парят в темноте,
Ухают совы — источники страха.
Сон мне сказал: «Ты живёшь в пустоте».
Сон мне сказал: «Ты полон мрака».

Волчий вой раздался во мгле,
Кружатся тени, как чёрные плети.
Сон мне сказал: «Доверься судьбе».
Сон мне сказал: «Страх хуже смерти».

Я слышу шаги за своею спиной.
Я знаю — омыть землю должен я кровью...
«Глаза открой. Лишь глаза открой!
Здесь никого нет — перед пустотою...»

Ангел Смерти

Ты одна. Ты в заключение сна.
Выпей чашу гибели до дна.
Смерти косою скошенной,
Обретёшь волю.

Ты одна. Ты в заключение сна.
Выпей чашу гибели до дна.
Помни: брошенным
Не забыть боли.

И мир расколется перед тобой,
И звёзды закружатся в чёрном ветре.
Падёшь ты на колени предо мной —
Пред вечным Ангелом прекрасной Смерти.

Никому ты больше не нужна.
Выпей чашу гибели до дна.
И забудь обо всём,
Отдавшись покою.

Никому ты больше не нужна.
Выпей чашу гибели до дна.
Вместе песню споём
О страхе и боли.

Земля разверзнется перед тобой.
Ты станешь морем искр в багровом свете,
Который вскоре обратится мной —
Всесильным Ангелом прекрасной Смерти.

Лишь один ещё глоток вина.
Выпей чашу гибели до дна.
О поверь же мне —
Там нету покоя.

Лишь один ещё глоток вина.
Выпей чашу гибели до дна.
Это, как во сне,
Хотя и другое.

Ты проживёшь всю бесконечность лет —
Всевечность звёзд и все века планет,
Безбрежность космоса и час Богов,
Эльфийских мудрецов и дураков.

Как я ты сможешь без конца любить,
Навеки помнить, навсегда забыть.
Как я ты будешь в небесах летать,
Без жалости ты сможешь убивать.

Как я ты сможешь крылья распахнуть,
Как я ты сможешь в небе утонуть.
Как я ты будешь не такой как все —
Иной на небесах и на земле.

Поверь же мне — я никогда не лгу.
Я прожил вечность и ещё смогу.
Я самый справедливый на земле.
Я Ангел Вечности, что в высоте!

Я Ангел Смерти!
Я Ангел Смерти!
Я Ангел Смерти...

Твоё здоровье.

Асийя ма сия

(на двух диалектах Астэрон, с переводом на русский)

*Асийя ма сия
Тсэдрэдэ ма сия
Элиотэ ма сия
Ма сия*

*Эстэя ма сириэ
Дэс одэрэ ма сириэ
Эльтэ ма сириэ
Ма сириэ*

*Эстэя ма сириэ
Дэс мариэ ма сириэ
Ае ма сириэ
Ма сириэ*

*Эстэя ма сириэ
Эльсэриэ ма сириэ
Хаз ма сириэ
Ма сириэ*

Пускай пребудет тъма
На земле пребудет тъма
В небесах пребудет тъма
Пребудет тъма

Пускай пребудет тъма
Во снах пребудет тъма
В глазах пребудет тъма
Пребудет тъма

Пускай пребудет тъма
На века пребудет тъма
Навсегда пребудет тъма
Пребудет тъма...

Баллада о Звезде

Один старый маг выходил наслаждаться луною.
Его плащ был поношен, а палочка вся прогнила.
И смотрела печально и нежно на мага луна.
Но он взгляд отводил, любуясь соседней звездою.

Звезда тихо шептала: «Забудь. Всё былём поросло.»
И так грустно звенела, так грустно ему подпевала.
Маг лишь спрашивал: «Ах, зачем ты навеки пропала?
Ах, за что же любви наш корабль давно унесло?»

Он гулял под луной, слушал ветер и песни цикады.
Он стонал, он рыдал, понимая — её не вернуть.
Среди звёзд продолжает теперь она длинный свой путь.
И лишь эхом возносятся к небу строчки баллады.

Маг был ещё молод, и в сердце жило волшебство.
Когда в первый раз он средь ночи подставил лик небу.
Когда в первый раз позабыл, что есть быть, а что небыль.
Когда ветром в руки звезду невзначай занесло.

Он гладил и нежил звезду, что лежала в ладони.
Он звал и он ждал, когда лучик согреет в ответ.
Всё стало ненужным ему, словно был он поэт.
И читал свои рифмы той женщине, что на балконе.

День за днём, ночь за ночью звезды той сиянье росло.
Всё сильней оно грело, всё крепче его обнимало.
Так легко и так радостно жить с этих пор ему стало,
Что он не заметил тот миг, когда время пришло.

Так однажды он в дом возвращался, дрожа от тревоги.
Он ворвался в ту комнату, где она прежде спала.
Но лишь пепел остался — звезда догорела дотла.
А он так и остался безмолвным стоять на пороге.

Он три дня и три ночи не спал, ожидая ответа
На вопрос «Почему со звездой это произошло?».
А на третью ночь осознал то, что время пришло
Той звезде вознестись снова ввысь, где луна и планеты.

Завернув в чёрный шёлк белый пепел, он вышел на склон.
И вознёс руки вверх, девять раз заклиная созвездья.
И ирония неба была ему вечным возмездьем.
Они стали вновь вместе, но больше не были вдвоём.

Звезда ярко горела, навеки его покидая.
Она пела, как птица, свободы познав высоту.
И лишь раз обернулась к нему она и на лету
Прошептала: «Прости, но твоей звездой будет другая».

С этих пор так и бродит тот маг по зелёным холмам,
Что так ярко под ликом луны для него серебрятся.
Со звездой он так и не смог в своём сердце расстаться,
Что так мягко спустилась когда-то к зовущим рукам.

Когда время всю молодость мага во тьму унесло,
Он забыл, кем он был, и зачем под луной он гуляет.
Лишь осталось в нём чувство, что он, наконец, понимает,
Что питать пламя яркой звезды нужно сердца теплом.

Все пути в теле Тьмы!

Отец Огонь, в своих глазах храним мы искры твоих Звёзд.
Брат Воздух, птицей в небесах ты нам Свободу преподнёс.
Сестра Вода, ты глубину для наших Мыслей создала.
О, Мать Земля, ты подарила нам Сердца и родила.
Сердца, что бьются день и ночь во славу Тьмы.
Сердца, что изнутри нас обжигают, как огни.
Сердца, что бесконечно в нас хранят златую кровь.
Сердца, что знают ненависть, отвагу, страх, любовь.
Сиянье Тьмы нас озаряет под Луной.
Драконьи крылья расправляем за спиной.
Взмываем к Вечности, где каждый Путь — Звезда.
Да будет Тьма! Жизнь Тьма! Мать Тьма!

* * *

Висайя пэна
Висайя пэна
Идэс баядэс
Идэс баядэс
Элиотэ сиена
Элиотэ сиена
Нибэс оптэравэс
Нибэс оптэравэс

Эстэя ларнэ сничэ
Элиотэ монармэ дестичэ
Айя самада ая пэна
Элиотэ монармэ сиена

Эстэя бийом стин дэс талэс
Нэдовэнтэ этно дэспэрадес
Адавэрнэ ладайя дэтийэ
Омнэдорэс эт сомнэ сифиэ

Висайя пэна
Висайя пэна
Этном пэрвэа
Этном пэрвэа
Ниснонна дийэс
Ниснонна дийэс
Лимэс оптэриэс
Лимэс оптэриэс

Эстэя ларнэ сничэ
Элиотэ монармэ дестичэ
Адавайя нарнэ отиче
Элиотэ монармэ синичэ

Огнорэ носнэ баядэс
Эбисдорэ дитормэ литадэс
Андайя ладэ стийэ
Октавэнтэ монармэ сифиэ

Пролилась боль
Пролилась боль
Накатилась волна
Накатилась волна
Небеса озарились
Небеса озарились
Ангелы пали
Ангелы пали

Прибыл меткий выстрел
Расколовший землю и небеса
В глаза пришла боль
Небеса и земля запылали

Да будет крепость защитника
Защищающая от внешнего вторжения
Жарким пламенем сожжём врага
Разрушительная сила скрыта во тьме

Пролилась боль
Пролилась боль
Воцарилось разрушение
Воцарилось разрушение
Расплавилась твердыня
Расплавилась твердыня
Бились демоны
Бились демоны

Прибыл меткий выстрел
Расколовший землю и небеса
Разливший жидкий огонь
Затопивший небеса и землю

Расплавленной волной Армагеддона
Был нанесён удар в спину
Принёсший погибель твердыне
Затопивший землю тьмы

Голоса

Сколько лиц у меня,
Столько и голосов.
Здесь и голос Огня,
И морей, и лесов,

Голос ветра,
Тумана
И неги снегов,
Голос боли,
Обмана
И песен из снов.

Он в ярости насмешливый и властный.
В час радости безумный, звонкий, ясный.
В миг грусти незаметный и туманный,
А в мудрости глубокий, вечный, странный...

О, сколько получил я голосов
От тихих песен из глубоких снов...

Две стороны

Триста тысяч лет
Идёт война не Зла и не Добра.
Триста тысяч лет
Любовь мертва с утра и до утра.

Люди бесконечно
Стремятся только убивать.
Льётся кровь беспечно —
На это всем им наплевать.

Поджигают море,
И, не зная горя,
Нежить воскрешают,
Жизни отнимают,
Проклятым молятся,
В Райский Сад стучатся.
Только б не забыли
Перед смертью попрощаться,

И на веки остаться во Мгле.
В чёрной бездне на чёрной земле

Сотни поколений
Теряют счёт убийствам.
Нету изменений
В их жизни слишком быстрой.

Цели неизменны:
Убивай или умрёшь!
Боль и страх бесценны.
От них душу не спасёшь.

Поджигают море,
И, не зная горя,
Нежить воскрешают,
Жизни отнимают,
Проклятым смеются,
В праведных плюются.
Только перед Смертью
Кровью Жизни обольются,

И на веки восстанут во Тьме,
В чёрной бездне на чёрной земле.

Ежовая теорема, или Серенада из Чернобыля

Влюблённые ёжики
Точат нам ножики.
Зачем эти ножики?
Что-то не ладно?
Да ладно! Получится складно!
Ну ладно...

Ходят енотики,
Чешут животики.
Бедные твари!
Чесотка замучила!
Да пусть хоть до крови расчешут — вонючие!
Нику они уже задолбали!

Дафанечка! Душка!
Давай я за ушко
Тебя укушу?
Без крови... не больно...
Не хочешь?!
Но я же не ёжик!
Ведь это они мазохисты!
Садисты?
Ну да, и с ножами... и что?!
И что, что влюблённый?
Влюблённый, так сразу и ёжик?!
Выходит, что ёжики все донжуаны?
Ах, так?!
Ох, и не любишь же ты нас — животных!

Прибулькали ёжики
На мотоциклах,
В наколках, цепях
И браслетах шипастых.
Сидят, отрываются,
Слушают Рамштайн.

Я так же обвешался —
Ну что, телепузик,
В объятья?
Я теперь, как они —
Сижу, отрываюсь
И слушаю Рамштайн.

Постой-ка! Идея!
Где Эврика с мылом?..
Тьфу! Это не важно.
Ништяк! Нашёл же я способ
К тебе, блин, придраться!

Ты любишь меня?
Ха-ха! Значит, тоже
Ты ёжик влюблённый
Чернобыльской масти.

Так что садися,
Обвешайся сталью
И вместе с ежами
Послушаем Рамштайн.

И вдруг к нам выходят
Еноты из леса...
Ну, или из шлязов —
С похмелья не видно...

Они уже дырки на пузе протёрли —
Идут, ковыряясь пальцами в печёнке...

Да ну! Задолбало писать этот бред!
Быстрее бы начался наш школьный обед...
Но долю приятную в бочку волью,
Хоть нет тут ни рифмы, ни смысла,
И складность на жвачке повисла,
Скажу, что тебя я люблю!

Засыпающий в одиночестве

Имеет ли смысл говорить каждый день
С теми, кто никогда не поймёт тебя?
 не поверит в тебя...
 не узнает тебя...
 не полюбит тебя...

Имеет ли смысл смотреть каждый день
В глаза тем, кто не сможет увидеть тебя?
 услышать тебя...
 запомнить тебя...
 коснуться тебя...

Лезвием бритвы пускаю кровь:
Алая капля срывается с пальца.
К чему страдания, к чему любовь?
Кровь — вода, кости — лишь кальций.

Нет вокруг ни души, ни сознания.
Я в моей скорлупе замкнулся.
Ни видения, ни послания.
Я упал, я сорвался, споткнулся

Прямо вниз... прямо вниз.

Имеет ли смысл говорить каждый день
С теми, кто никогда не поймёт тебя?
 не поверит в тебя...
 не узнает тебя...
 не полюбит тебя...

Имеет ли смысл смотреть каждый день
В глаза тем, кто не сможет увидеть тебя?
 услышать тебя...
 запомнить тебя...
 коснуться тебя...

Лезвием бритвы вскрываю вены.
Струйка похожа на нектар вишни.
Я — лишь ветер, лишь пена.
Я — капля, упавшая свыше.

Тяжёлый газ наполняет лёгкие,
Земля приближается слишком стремительно:
Пути из жизни такие лёгкие.
Всё так безразлично и так удивительно.

Имеет ли смысл говорить каждый день
С теми, кто никогда не поймёт тебя?
 не поверит в тебя...
 не узнает тебя...
 не полюбит тебя...

Имеет ли смысл смотреть каждый день
В глаза тем, кто не сможет увидеть тебя?
 услышать тебя...
 запомнить тебя...
 коснуться тебя...

Холод в груди, покой и страх.
Здравствуй, Смерть, я в твоих руках.
 Забери меня,
 Выпусти меня,
 Упокой меня.

Холод в груди, покой и страх.
Здравствуй, Смерть, я в твоих руках.
 Забери меня,
 Выпусти меня,
 Упокой меня.

Ничего не было до меня.
Ничего не останется после меня.
 Я — моё небо.
 Я — моя земля.

Звёздный Король

Уплыви прочь
Звёздным кораблём,
И забудь
Все прошлые страдания.
Стань одним
Предвечным Королём.
Стань таким,
Каким ты был в мечтаньях.

Мир исчез для тебя.
День за днём ты летаешь,
В мечтах погибаешь,
Себя не щадя.

Жизнь ничто для тебя.
Ночь за ночью ты гредишь,
Что туманы развеешь,
Что укрыли тебя.

Но ты веришь в мечту,
Что проснулась однажды.
Словно криком надежды,
Словно сон наяву.

Ты упал в эту бездну,
Ты попал в бесконечность,
Обретая вновь беспечность,
Осознал что к чему.

Уплыви прочь
Звёздным кораблём,
И забудь
Все прошлые страдания.
Стань одним
Предвечным Королём.
Стань таким,
Каким ты был в мечтаньях.

Растворись в пустоте,
Пропади за мгновенье.
Лишь одним привидением
Плыви в темноте.

Ты увидишь во сне:
Звёздный сад, Звёздный город,
Звёздный меч, Звёздный молот
И свет в высоте.

И тебе улыбнётся Звёздная Дева —
Чище снега, прекрасна, с загадкой в глазах,
И оставив тебе тёплый след на губах,
Запоёт тебе песню о Свете и Тени.

Ты не вспомнишь о том,
Что тебя занимало
И покой отнимало,
Шепча день за днём:

«Уплыви прочь
Звёздным кораблём,
И забудь
Все прошлые страдания.
Стань одним
Звёздным Королём.
Стань таким,
Каким ты был в мечтаньях».

Змей

Час проснуться,
Развернуться,
Позевать
II замереть,
Потянуться,
Улыбнуться,
Подышать
II хвост погреть,
Проползти,
Забратся,
Вылезть,
Проследить,
Понять,
Забить,
Подгрести,
Подкраситься,
Смыться,
Укусить,
Догнать,
Убить...

Знай!

Я смотрю на небо —
Солнцу холодно с утра.
Облака, как перья,
Вновь спускаются к ногам.

В дымке серого тумана
Лучи солнца — радуга.
Капли звёздного фонтана
Говорят, что жизнь легка.

Но не всё так просто.

Знай, что я люблю тебя.
Знай, я не могу без тебя.
Знай, что ты нужна мне,
И сердце сжигаешь в огне!

Знай, что я люблю тебя.

Знай, я не могу без тебя.
Знай, что в сердце моём
Место всегда есть тебе.

Я смотрю на землю,
Слышу шелест тополя.
Его тонкие ветви
Тянутся прочь от меня.

Вот бежит ручей.
Он счастлив звенеть сегодня с утра.
Его путь так прост,
И он зовёт с собой меня.

Но не всё так просто.

Знай, что я люблю тебя.
Знай, я не могу без тебя.
Знай, что душу греет
Каждое слово и взгляд.

Знай, что я люблю тебя.
Знай, я не могу без тебя.
Знай, что на этой земле
Ты дороже всего для меня.

Я смотрю на воду.
Там неясной тенью
Рыбы проплывают.
Кровь их холодна.

Жизнь их — приключенье.
Им живётся просто.
И они спокойны.
Мир для них — вода.

Но не всё так просто.

Знай, что я люблю тебя.
Знай, я не могу без тебя.
И льдом сковано сердце,
Пока ожидаю тебя.

Знай, что я люблю тебя.
Знай, я не могу без тебя.
Я выбрал бы Путь Смерти,
Если б не было тебя.

Я не вижу отраженья.
Я свободен от иллюзий.
Третьим оком Путь я вижу,
И дороги нет назад.

Я забыл, что был несчастен.
Я забыл, что был покорным,
И вступил на Путь прекрасный,
Что теперь ведёт меня.

Но опять я один.
Вновь один я остался.
Одиночества дым
Не растаял в глазах.

Почему я таким
Был рождён в этом мире?
Почему тянет в даль,
Что лучится в мечтах?

В даль, где всё так просто!

Знай, что я люблю тебя.
Знай, я не могу без тебя.
Знай, что ты одна на Земле
Счастье способна мне дать.

Знай, что я люблю тебя.
Знай, я не могу без тебя!

И знай, что своё сердце я
Тебе готов отдать...

Знаю, что люблю я...

Знаю, что люблю я,
Может быть напрасно,
Может от безумья,
Вечно и прекрасно.

Может за дыханье,
Или нежность речи,
Просто созерцанье,
Сердца бесконечность.

Чудо моё чудо,
От тебя не скрою,
Лучше я не буду,
Чем не быть с тобою.

Что со мной случилось?
Я себя не знаю!
Что-то изменилось —
Я как свечка таю.

Я боюсь расстаться,
Я боюсь покинуть,
Брошенным остаться,
Болт из сердца вынуть.

Будь моей любовью.
Будь моей навеки!
Я всегда с тобою,
Закрывая веки.

Колыбельная

Небеса вниз слёзы проливают —
Призраки ненастья.
Звёзды постепенно угасают —
Отголоски счастья.

Спи, моя родная, засыпай —
Я тебя укрою.
Подари свой бесконечный рай
Тёплому покою.

Дождь ночной отступит в тот же миг,
Гром утихнет грозный,
Вновь вернётся в небо лунный лик,
И засветят звёзды.

Спи, моя родная, засыпай —
Я тебя укрою.
Чтоб увидеть бесконечный рай,
Я усну с тобою...

Кровь

Мне смешно смеяться смехом.
Я люблю любить любовь.
В эхе я услышу эхо
Слов, солганных мною вновь.

И под кровом крови красной
Под холодным хладом льда
Пасса в ночь пастух опасный —
Паства в пасти навсегда.

Дверь открыл деревьев шёпот,
Шорох шума прошуршав.
И роптал гортанный рокот,
Знание знав, но не признав.

Открывает крышу краем
Острой стрелы остря.
Битой бьёт и пробивает
Всё, что было у меня.

Мне смешно смеяться смехом.
Я люблю любить любовь.
Я в безумье слышу эхо.
Я пускаю сердцу кровь.

Кукла

В тёмном доме на опушке
В пыльной мрачной комнатушке
Мастер кукол день и ночь сидит.
Куклы плачут взаперти.
От судьбы им не уйти.
И работа вновь и вновь кипит.

Мастер долбит по Петруше,
Заключая в куклу душу.
Старый мастер кукол не щадит.
Сущность страха, сущность гнева,
Сущность праха, сущность тлена.
Каждая душа тотчас болит.

Увядают чёрные цветы —
Неживым страданье лишь умножат.
Ничего тем куклам не поможет.
Мастер кукол, что наделал ты?

Вновь удар и крики боли:
«Как же нам прожить в неволе,
Если мастер кукол вновь и вновь
В нас вбивает все страданья,
Свои страхи и желанья,
Словно в нас вливает свою кровь?»

Мастер кукол к мольбам глух —
Он привык ковать Петрух,
Заключая в них кусочки «Я».
И старик промолвил вдруг:
«Я отец ваш, но не друг.
Вы — моя работа. Мастер — я!»

Среди мглы раздался вздох нечаянный.
Старый мастер взял свой молоток.
И, отбросив тень на потолок,
Был откован арлекин печали.

«Помогите! Не годится!
Братья, не успеv родиться,
Мы несчастны, словно стон в ночи!»
Арлекину отвечают:
«Ты, брат, создан для печали —
Просто посиди и помолчи...»

Гвоздь, верстак, опилки, стружка.
Вот готов ещё Петрушка —
 «Новый раб, ты в очередь страдать!»
Куклы тихо загадали:
«В чём секрет, ведь, в самом деле
 Есть секрет, но как его узнать?!»

Мастер, не устал ли ты
От жестокости и чёрной боли
Кукол... «Молодец, подметил коли.
Я скую немного черноты!»

Вновь и вновь куёт страданья,
Кукол боли и рыданья.
 «Как же старика остановить?»
«Смысла нет — начнёт он снова.
Знаем хитреца такого.
 Лучше нам покорно в рабстве жить.»

В тёмном доме на опушке
В пыльной мрачной комнатухе
 Разгадали куклы наш секрет:
«Мастер кукол — тоже кукла,
Обречённая на муку —
 Делать кукол сотни тысяч лет...»

Лишь ветер один веет...

Лишь ветер один веет
В белоснежном покрывале сна,
Синий свет хрустальных созвездий
Осветит чашу, что выпить ты должен до дна.

Чаша крови — путь к вечной жизни.
Чаша пламени — ярости мгла.
Чаша льда, когда больше нет смысла,
Станет чашею вечного сна.

Звон снежинок в безоблачном небе,
Словно звёзды, что падают вниз,
И ложатся тихонько на землю —
То — предсмертный снежинок каприз.
Чаша крови — путь к вечной жизни.
Чаша пламени — ярости мгла.
Чаша льда, когда больше нет смысла,
Станет чашею вечного сна.

Сделай этот глоток ради Бога,
Но не делай ради себя.
Летом всё станет вновь по-другому,
Если лето увидит тебя.

Чаша крови — путь к вечной жизни.
Чаша пламени — ярости мгла.
Чаша льда, когда больше нет смысла,
Станет чашею вечного сна.

Месть

Он поднялся. Удивлённо оглядев свою одежду, он не сразу понял, что с ним. Откуда взялся длинный чёрный поношенный саван? Что-то больно надавило ему на грудь. Рег дёрнулся! Что-то упало, тихо звякнув. Рег посмотрел на предмет... Нож! Длинный, с искусным узором... Идеальное оружие убийцы... Лезвие, сверкающее как ртуть... Идеальное... Рег взял оружие в руку. Руки!

— Господи, что за?.. — он выронил нож и в удивлении посмотрел на то, что привело его в ужас: его руки были бледны, как мел. Вены проступили чернотой. Словно на руку мертвеца смотрел он теперь.

«Но ведь я не мёртв! Я живу! Я дышу! Ведь верно?»

— Верно? — спросил он воздух.

Никто не ответил. В холодном воздухе его голос потонул, словно свалившись в бездну.

Почему он здесь? Посреди дороги? Один... Так далеко от огней родного города? Что с ним произошло? Чья кровь повсюду? Повсюду вокруг него...

« — Ты не посмеешь!

— Ты плохо меня знаешь!

— Ты не посмеешь!

— Уже слишком поздно, Рег.

— Ты видишь, я безоружен! Ты падёшь так низко, что выстрелишь?

— Паду, но ты падёшь первым...

ВЫСТРЕЛ!»

«Это невозможно! Я мёртв... и жив! Что за чертовщина? Но ведь это и есть чертовщина...»

И сознание вновь бросило человека в прошлое:

« — Кто-нибудь всё равно найдёт тебя и покарает... Сириус... — в муках прошептал Рег.

— Я сильно удивлюсь, если случится хотя бы первое, — ответил жестоким голосом»

Рег взял нож в руки, провёл пальцем по лезвию, обрезался, но ни крови, ни боли не было.

Мёртв. Зомби. Брат говорил, что в таких случаях время, оружие и цель всегда под рукой.

Что за цель? «Убить Сириуса, конечно. Что может быть проще», — сказал он себе. Рег посмотрел на свои часы. Девять вечера. Как точно. Три часа до полуночи. «Если я исполню миссию, то моя душа освободится, но если нет...» — Рег судорожно слотнул.

Бросив взгляд на обрыв, и в последний раз вдохнув аромат океана, он бросился бежать...

Бежать настолько стремительно, насколько позволяло проклятье Дьявола. Насколько стремительно, что огни города слились в линию от этой неземной скорости...

Ещё пятнадцать минут. Рег стоял у порога высокого особняка. «Насколько же он запущен...» В самый раз, для такой твари, как Сириус. Он замер в раздумье:

«Я что-то забыл. Память изменила мне. Я забыл что-то важное в момент смерти. Что?»

Десять минут! Больше он ждать не мог! Дверь. В щепки. Сила зомби не знает границ. Нет боли. Нет усталости. Только месть! Лишь кровавою ценой обрести покой! Беспощадно!

Ступеньки мелькнули незаметно. Посланник смерти шёл бесшумно. Как призрак. Как тень. Коридор. Картины. И тут и там картины. Богатство ли? Что за богатство, держать на своих стенах портреты давно мёртвых людей? Нелепость! Ковры. Но мертвец и без того бесшумен... Дверь... «Я чувствую. Это здесь. Одна минута...»

Рег нажал на ручку. Дверь бесшумно отворилась. Перед ним была комната искусств его злейшего врага. Но сейчас всё было по-другому. В распахнутое настежь окно лился прекрасный и печальный свет Луны. Звёзды плакали, мерцая, словно их сердца сходят с ума от любви. Любви к их вечному небу. Небу, которое всех прощает. Которое чувствует всех. Которое не ждёт мольбы... Ветер, завывая, врывается в комнату, шевелит разлетающиеся, испианные мелким почерком листы бумаги, играл тенями статуй и леденил кровь, но в этой руке нет крови... её отняли. Зомби обнажил клинок и сделал шаг вперёд. Дверь тихо закрылась за его спиной. Но в комнате никого не было! Ни души!

«Душа?» — почему это слово взбудоражило его разум? Почему здесь никого нет? Что он забыл? И почему он не может восстановить в памяти отражение Сириуса? Отражение. Отражение? «ОТРАЖЕНИЕ!»

Ветер сорвал полотно с огромного резного зеркала посреди комнаты, прямо напротив Рега. Зомби не увидел своё отражение, но увидел чужое. В зеркале стоял его убийца.

Сириус. Призрак. Обречённый быть невидимым для любых глаз. Обречённый жить не как люди. И никогда не видеть себя кроме как в зеркале. Он стоял, освещённый в лунном свете. Ветер шевелил его длинные чёрные волосы. Глаза, полные скорби и слёз, смотрели из зеркала. Лицо обречённого. Обречённого на веки...

Первый удар часов...
«Убей! Убей! Обрети покой!»

Второй удар!
Рука с ножом взметнулась в воздух.
Призрак ничего не заметил. У зомби нет отражения, а скорбь не позволила Сириусу услышать приближающуюся судьбу...

Третий!
Шаг вперёд...

Четвёртый!!
Ещё шаг!

Пятый!!!
И мёртвое сердце забилося в унисон:

Шесть!!!
Он здесь. Совсем близко. Невидим. Зомби видит, где стоит его отражение!

Семь!!!
«Обрети покой! Убей его! УБЕЙ!»

Восемь!!!
Палач отвёл руку назад, для удара.

Девять!!!
«Бей! Сейчас!»

Десять!!!
«Стой! Это не моя миссия!»
«Убей! Убей! Он убил тебя! Отомсти! Это твой последний шанс!»

Одиннадцать!!!
«Ты прав! Последний!»

Двенадцать!!!
Нож рассёк воздух, молнией пронёсся в хаосе Луны, ветра, звёзд, слёз и зла. Он ударил в зеркало! Облако серебристых осколков закружилось в вихре! Яркий свет заполнил комнату...

«— Кто-нибудь всё равно найдёт тебя и покарает... Сириус... — в муках прошептал Рег.

— Я сильно удивлюсь, если случится хотя бы первое, — ответил жестоким голосом, — можешь не звать своего брата. Вы всё равно скоро встретитесь, — засмеялся человек в чёрном плаще.

Крик! Крик боли и ярости!

— Как ты посмел? Ты, ничтожество! Ты убил моего брата! — сорванный от гнева голос, беспощадно терзал воздух.

Это его брат. Его брат. Вечно невидимый призрак, чьё лицо видно в каплях дождя, омывающих его невидимые слёзы. ЕГО БРАТ!

— Глупец! Я воссоединил вас! Теперь вы оба мертвы! Проклятье лежит на вас обоих!

— И отомстим мы два раза!!!

Расплывчатый силуэт бросился к фигуре в чёрном плаще. Дождь бил всё беспощаднее, всё суровее. В этом тумане было видно лишь лезвие, блеснувшее в воздухе. Идеальное лезвие.

Крик! Тело сорвалось в океан. Плач. Это его брат. Рег чувствовал, что Сириус положил нож ему на грудь.

— Почему ты не позвал раньше, брат? — рыдания растворились в рёве бури»

Рег чувствовал небывалую лёгкость. Он поднялся. Он не ощущал своих одежд. Они обратились в что-то воздушное и ослепительно белое. Перед ним кружилась вихрь звёзд. Каждый из осколков зеркала превращался в огонёк и срывался с пола, присоединяясь к своим братьям. Вихрь кружился всё быстрее и быстрее. Это чудесное представление звона и света обрело облик Сириуса. Его брата. Оно создало для него такие же одежды, как и Регу. Сириус поднялся. В глазах его больше не было боли. Они смотрели друг на друга словно в первый раз. Глаза в глаза. Душа в душу. И Рег почувствовал, что две слезинки сорвались с его щёк, превратившись в последние огоньки, устремившиеся к Сириусу.

Они свободны! Вот цена проклятью. Лишь кровавою ценой обрести покой. Навсегда. Его брат свободен. И он тоже. Навеки. Навсегда.

— Какая сегодня прекрасная лунная ночь, брат, — тихо сказал Сириус.

— Ты прав. Идём посмотрим на неё. Мы о многом успеем поговорить, — ответил Рег.

— Только о чём-нибудь несерьёзном, — улыбнулся Сириус, беря брата за руку, — я уже отвык волноваться.

— Как пожелаешь, — кивнул Рег, следуя за ним. К ночи. К Луне. К небу, которое всех прощает. Которое чувствует всех. Которое не ждёт мольбы... К звёздам, которые их любят. Которые бесконечно ждут их. Которые обещают вечно хранить память о них...

Два силуэта растаяли в лучах восхода.

Моя ведьма

Ты слышишь меня?
В глубине твоих глаз я читаю сомнения
День ото дня.
Ты боишься, что я улечу привидением
Прочь от тебя?
Ты боишься, что я не в твоей власти, ведьма?
Ведьма моя,
Ты давно овладела моею душою и телом.
Огня
Моей страсти нам хватит сполна, моя милая Ведьма.
Дотла
Мы сгорим в нашей песне и в вальсе созвездий.
Луна
Лишь одна видит нас, и что мы снова вместе
Под ветрами сна.
Поцелуй будет странным — и лёгким и тесным.

До дна
Выей чашу вина,
Вина крови моей —
Я расстанусь и с ней,
Лишь бы ты не ушла.
Лишь бы ты не ушла...

И мне не нужно длинных слов.
Я повторяю, говорю,
Что я стал раб твоих оков,
Что я люблю, люблю, люблю.
И крики сов, и волчий вой,
И сон-траву, и кровь богов
Смешала ты, чтоб был я твой,
Чтоб я стал раб твоих оков.
И лунный свет, и тьма глубин,
И пламя свеч, и холод льда
Прикажут, чтобы я один
Отдался воле навсегда
Моей колдуньи...
Моей ведьмы...
Моей колдуньи...
Моей ведьмы...

Не плачь...

О, нежность щеки, не грубей
Под жгучими каплями слёз.
Плакать со мною не смей!
Беды все не в серьёз.

В понарошку любые несчастья,
Только шутка — чья-то тоска.
Позабудь все обиды, ненастья
Стань как пёрышко в небе легка.

Я всем сердцем тебя обнимаю,
Всей душой обогреть хочу,
Я всегда тебя понимаю,
Я любовью тебя лечу.

Глаза не должны блестеть
Холодной прозрачностью мокрою.
Что же случилось, ответь?
Не верь, что ты одинокая.

Не верь, что значения нет,
Живые мы или мёртвые.
Будь крепка, как цемент.
Стойкою будь, твёрдою.

Я за тобою как тень
В сердце и в мыслях следую.
Скоро взойдёт новый день,
И горести станут пеною.

О, не бойся меня!
Улыбнулась она.
Ведь в жизни часто бывает,
Что графы боятся графинь,
Боги богинь,
Князя княгинь,
Сэры всех леди,
Барон баронессу,
Принц сердца принцессу,
И иней огня,
А воин меня.
Возьми в руку меч,
Надень на шею мой амулет,
И помни лишь то,
Что в тумане истины нет.

И смотри, как
Волки сбегаются,
Грифы слетаются,
Змеи сползаются,
Люди сходятся,
Вепри сбегаются,
Совы слетаются,
Черви сползаются,
Призраки сходятся,
Злобни сбегаются,
Духи слетаются,
Тени сползаются,
Демоны сходятся.

Но ты ударь!
Полутень не щади,
Чтобы
Всех растерзать, убить,
Адским огнём спалить,
В пропасть рукой толкнуть,
Тихо ножом пырнуть.
Всех ядом отравить,
Всех в воде утопить,
Острый зуб в плоть вонзить,
Крови чужой испить.

*В клетку всех запереть,
Льдам на века согреть,
Всех во мгле схоронить
И навсегда забыть
Не смогли
Никогда!*
И истина только внутри...

*Там, где Тьма
Навсегда.*

*Ост аладес эт владыч эст бийо
Бийом сизн дес талес*

*Ост аладес эт владыч эст бийо
Бийом стин дес талес*

*Ост аладес эт владыч эст бийо
Бийом ацтн*

Падение

Пусть мы падём из холодных небес
К рекам, на тёплую Землю.
Пусть мы увидим девственный лес,
Пению птиц пусть мы внемлем.

Пусть с высоты не придётся смотреть
Нам на могучие горы.
Слишком высока небесная твердь,
И глубоко её море.

Пусть нам великих дворцов не видать
На высоте поднебесной.
Мы сами хотим научиться летать.
На небе нам стало вдруг тесно.

Пусть мы покинем родимый наш дом
В обмен на спектакль природы.
Ветер поддержит, и лёгким пером
Нас донесёт до свободы.

Пусть наши души на Землю падут
И подхвачены будут ветрами,
Лютую зиму переживут,
А весной воспарят облаками.

Поймёшь ли наслаждение без боли?..

Поймёшь ли наслаждение без боли?
Как можно радоваться, не зная слёз?
Что станет с твоим счастьем, без горя?
 Как можно Жить, не умея Умирать?

И что такое мужество без страха?
Чем станет твоя правда безо лжи?
Чем станет Свет, если не будет Мрака?
 И как, не разрушая, создавать?

Люби же боль, иначе позабудешь наслаждение.
Люби печаль, иначе позабудешь смех.
Люби страдать, иначе счастье станет наваждением.
 А, чтобы Жить, люби жестоко Умирать.

Полынь

Полынь.
Луна.
Небес негодованье.
Кистень.
Война.
Лишь боль и лишь страданье!

Но в сердце проведу последний луч,
Как лазер, испарив остатки воли.
И жар, прогнав заслон свалившейся неволи,
Докажет, что лишь он один могуч.

Мороз.
Мой дом.
Любых деяний грёзы.
От слёз
Уйдём —
Нам не помогут слёзы.

И кремнем выбиваю я искру,
Которая сожжёт остаток лета.
И не взглянув на боль разрушенной планеты,
Я в одночасье на твоём плече усну.

Что день,
Что ночь —
Не всё равно ли нам?
Хоть лень,
Но прочь
Вперёд к иным мирам!

Проснись

Касаясь медленно
Тонкого волоса,
Внемля в последний раз
Твоему голосу,

Держа в последний раз
Руки ранимые,
Остался нам лишь час
С моей любимой.

Шепча в последний раз
Слова известные,
Не отобрать у нас
Объятия тесные.

Ища в последний раз
Тепло сердечное,
В озёра твоих глаз
Уйти навечно.

Но вот земля уходит вниз...
...проснись...

Пустота

Кто ты, мне ответь?
 Кто ты, мне ответь?
Кто ты, мне скажи?
 Кто ты, мне скажи?
Ни вода, ни твердь,
 Ни вода, ни твердь,
Ни покой, ни жизнь.
 Ни покой, ни жизнь.

Кто был твой отец?
 Кто был твой отец?
Кто же твоя мать?
 Кто же твоя мать?
Трус или храбрец?
 Трус или храбрец?
Нищий или знать?
 Нищий или знать?

Кто в душе твоей,
 Кто в душе твоей,
Если есть она?
 Если есть она?
Ангел или зверь?
 Ангел или зверь?
Или пустота?
 Или пустота?

*Ты — моё дитя,
 Ты — моё дитя,
Часть моей плоти.
 Часть моей плоти.
Твоя кровь моя,
 Твоя кровь моя,
Смерть и жизнь мои.
 Смерть и жизнь мои.*

*Я тебе отец,
 Я тебе отец,
Я и мать тебе.
 Я и мать тебе.
Лишь во мне конец,
 Лишь во мне конец,
II исход во мне.
 II исход во мне.*

*Я в душе твоей,
Я в душе твоей,
В сердце я одна.
В сердце я одна.
Истине поверь.
Истине поверь.
Ты — лишь пустота.
Ты — лишь пустота.*

*

*Кто ты, мне ответь?
Я — твоё дитя,
Кто ты, мне скажи?
Часть твоей плоти.
Ни вода, ни твердь,
Моя кровь твоя,
Ни покой, ни жизнь.
Смерть и жизнь твои.*

*Кто был твой отец?
Ты был мой отец,
Кто же твоя мать?
Ты и мать моя.
Трус или храбрец?
Лишь в тебе конец.
Нищий или знатъ?
Ты исход меня.*

*Я в душе твоей,
Ты в душе моей.
Если есть она.
В сердце ты одна.
Истине поверь.
Ангел или зверь?
Ты — лишь пустота.
Я — лишь пустота.*

Сириэль

Открой окно своё — я жажду ветра.
Открой глаза свои — я жажду слёз.
Я жду бесконечно неба ответа.
Я жду бесконечно проблеска звёзд.

Открой своё сердце — я правду увижу.
Подставь мне ладони — я в них соберусь.
Я — дождь бесконечный. Созвездьями движу,
Тебя покидая, пока не вернусь.

Вдохни моей жизни — я жар твой и пища
Тебе и твоим вездесущим богам.
Ты видишь меня, но зачем-то всё ищешь
Следы мои, что не подходят к ногам.

И в сердце надежду своёю переносишь,
Как боль, как ненастье, как вьюги метель.
Ты плачешь, и всё же вовек не попросишь
Сказать тебе имя твоё, Сириэль.

Открой окно своё. Там, в небе — слёзы.
Так плачет небо каждый час.
Открой глаза — там сны и грёзы,
Что рисовали не для нас.

И дождь лучистый смоев время,
Писать стихи я научусь,
Когда вернётся моё племя,
Когда я сам к тебе вернусь...

Скажите мне, кто я...

Скажите мне, кто я,
Если виденья мои оживут на глазах.
Скажите мне, кто я,
Если миф, придуманный мною реален.
Скажите мне, кто я,
Если готов свою жизнь утопить я в слезах.
Скажите мне, кто я,
Если Свет Тьмы надо мною летает.

Смерть влюблённых

По тонкому волосу
Тонкому колосу
С тонкой душой
 На тонкой петле
Только сознание
И предсказание
Сводит к судьбе
 ...Сводит к судьбе

Под тонкими крыльями
Тонкими были мы
Тонко шепча
 Тонко крича
Томно дыша
Томно дрожа
На высоте
 ...На высоте

Тонкими струями
Дождь обманули мы
Под тонким зонтом
 Тонко идём
Только раскатами
Как автоматом
Стреляет в нас гром
 ...Стреляет в нас гром

Тонко мой маятник
Кружится в панике
Тонко блестя
 ...Тонко блестя
Только незнание
И созерцание
Только любя
 ...Только любя

Между страницами
Тонкими ресницами
Тонких век
 Томных век
Мы затеряемся
Спрячемся, скроемся
Вместе навек
 ...Вместе навек

Только слова
И только музыка —
Песня сердец
 ...Песня сердец
Тонкими пальцами
Томно сплетались мы
Вот и конец
 ...Вот и конец
 Вот и конец

Совершая круг чёрной башни...

Совершая круг чёрной башни,
Поднимаясь спиралью по лестнице,
Я вспоминаю лишь то, что важно,
Что во Тьме моих снов мерещится.

Я иду шагами неверными,
Поднимаясь ступеньками хрупкими,
Чтобы то, что забыто бессмертными,
Вновь легло, как дитя, в мои руки.

Под смолистой чернотой тучи,
Под сверканием белым от молнии
Я иду, выбирая путь к лучшему,
Застывая, как льдинка, в безмолвии.

Опалённый огнём адским пламени,
Поглощённый водою бездонною,
Окрылённый мечтаний ветрами,
В чёрном теле земли замурованный,

Есть один только выбор единственный.
Есть и истина очень суровая,
В том, что поиск мой будет бессмысленным,
И история станет безмолвием.

Вот над башней взвился дракон,
Вот над баньши луна озарилась.
Её скорбный потерянный стон,
Как вервольфовский вой раскатился.

Вот ступенька-ступенька-ступенька:
Вновь и вновь я встречаю провалы там.
И я чувствую, как постепенно
Крылья вновь прирастают к плечам.

Стекло

По гладкой поверхности пальцы скользят,
Сжимаются, тщетно пытаюсь добраться
До той, за стеклом, чей пронзительный взгляд
Молящий не двигаться, молящий остаться

Меня навсегда стальной цепью сковал.
И это стекло между нами — о, горе!
Всего сантиметр, но целое море
Он слёз вызывает. А я так мечтал

Коснуться тебя, после всех этих лет
Что жертвовал я, тебя ожидая,
Почти что, поверив: тебя в мире нет,
И чувствуя жизнь, что меня покидает.

И всё же нашёл, хоть не сразу поверил,
Что ты существуешь на этой земле.
Я стал так надёжно привязан к тебе.
Но призрак несчастья границу отмерил

Меж нами. Стекло прозрачным барьером
Стоит, насмехаясь над нашей тоской.
Я вижу тебя, ты пытаешься мелом
Писать мне о том, что лежит за душой.

Касаюсь щекой холодной поверхности,
Пытаюсь согреть тебя через стекло.
Ты плачешь, касаясь губами его,
Пытаясь пронзить его силою нежности.

Ногтями скребусь, пытаюсь прорваться
К своей бесконечно любимой — к тебе.
Но пальцы скользят. Я рискую остаться
Лишь тенью замёрзшей на этом стекле.

Там, где Тьма

Час. Год. Тысяча лет.
День. Ночь. Выхода нет!
В вечном рабстве живём беспробудно.
Свободы для нас больше нет.

Кнут. Плеть. Кровь на руках.
Бич. Хлыст. Цепь на ногах.
Нестерпимые страхи
Навечно застыли в глазах.

Раз! Два! Грянет удар!
Нам не снять их кандал.
Тех, чей идол — Спаситель.
Тех, кого Сумрак послал.

Боль! Кровь! Смерть на плече.
Крик! Яд! Бритва в руке.
Сопровивляйтесь течению
На рабства ужасной реке!

Мечь! Гнев! Ярость в глазах.
Смерч! Ад! Ноль на часах.
В полночь случилось затмение
Луны на ночных небесах.

Бич и плетть рассыпаются.
Звенья цепей разрываются.
Воин несёт нам Свободу.
Поднимем её на мечах.

Раз! Два! Удар за ударом.
Лучшим в мире подарком
Будут головы наших врагов!
Они познакомятся с гневом рабов!

Стон. Смех. Счастье в сердцах.
Всё сбылось, как в мечтах.
Мы получили Свободу!
Не будем мы больше в рабах!

На свободу
Волки сбегаются,
Грифы слетаются,
Змеи сползаются,
Люди сходятся,
Вепри сбегаются,
Совы слетаются,
Черви сползаются,
Призраки сходятся,
Злобни сбегаются,
Духи слетаются,
Тени сползаются,
Демоны сходятся.

Всем по куску.
Всем по крови глотку, чтобы
Всех растерзать, убить,
Адским огнём спалить,
В пропасть рукой толкнуть,
Тихо ножом пырнуть.
Всех ядом отравить,
Всех в воде утопить,
Острый зуб в плоть вонзить,
Крови чужой испить.
В клетку всех запереть,
Льдам на века согреть,
Всех во мгле схоронить
И навсегда забыть.

Но где же воин?
Он погиб ценой Свободы.
Отважным был,
Но никто о нём не вспомнил...

*

День. Свет. Станный мой сон.
Лесом я окружён.
Нету виденья чудесней,
Чем война крепкий мой сон.
Я увидел её!
Боги, сердце моё!
Нет, в мире так не бывает —
Готов жизнь отдать за неё.
За мгновенье влюбился в неё.
Ничего, ничего.

Успокойся, ты, сердце моё!

Ни за что, ни за что.

Отпусти меня, умяляю!

Никогда, никогда.

На любовь я тебя обрекаю

Навсегда, навсегда.

На любовь

Волки сбегаются,

Грифы слетаются,

Змеи сползаются,

Люди сходятся,

Вепри сбегаются,

Совы слетаются,

Черви сползаются,

Призраки сходятся,

Злобни сбегаются,

Духи слетаются,

Тени сползаются,

Демоны сходятся.

Всем по куску.

Всем по крови глотку, чтобы

Всех растерзать, убить,

Адским огнём спалить,

В пропасть рукой толкнуть,

Тихо ножом пырнуть.

Всех ядом отравить,

Всех в воде утопить,

Острый зуб в плоть вонзить,

Крови чужой испить.

В клетку всех запереть,

Льдам на века согреть,

Всех во мгле схоронить

И навсегда забыть.

Я ведь воин!

Ну и что?

Не могу я!

Ты про что?

Я о том, что воин должен

Вновь и вновь рубить врага...

Но счастливым стать он может

Навсегда, навсегда.

Ты о чём?

Ты знаешь сам.

Я не трус!

Так докажи же нам.

Перестань...

Я не могу,

Ведь я её уже люблю!

Ты не право!

Мне лучше знать.

Ты не моё!

Тебя я не могу понять!

А ты попробуй.

Не подумаю!

А ты пойми.

Я не могу понять...

Как больно!

Это я сжимаюсь!

Мне плохо!

Не прав ты —

Плохо мне!

Помоги мне!

Я давно пытаюсь,

Но решать придётся тебе...

Тихий голос, перезвон колокольчиков...

Тихий голос, перезвон колокольчиков.
Не понять, не забыть, что сказали.
Сто котят — сто пушистых клубочков.
Шерстяным платком мне глаза завязали.

Шебуршится листва под ногами.
В синем озере есть отражение.
Лишь одно навсегда чувство с нами.
И не чувство, а воображение.

Из земли вырастает цветок,
Ярким цветом пчелу зазывает,
Высыхает, и семян поток
В ту же землю опять попадает.

На небе созвездия выпцвели.
Их туда прикололи булавками.
В прочем, звёзды уже подмели.
Небеса зарастают травками.

Если пишешь стихи без сюжета,
Позови капитана в компанию.
Не дожить без вина до фуршета.
Подготовимся к дальнему плаванию.

Только Нике...

Словно бы мы повстречались случайно,
Нечаянно
Отчаявшись
В жизни печальной...

О, стрелка часов, ты в час горький упала.
Пропала
Любовь моя,
Жизнь моя,
Кровь моя,
Боль моя,
Страсть моя,
Власть моя,
Счастье... Я помню тот миг!..
Один... долгий... миг...

Брызнула память столетий сквозь щели
Моей серой клетки и сада, а Тени
Наполнили разум любовью и властью,
Той пламенной страстью
И безбрежным счастьем.
Наполнили жизнью бездушное тело,
И сердце моё вновь любви захотело.

О, тёплые руки, меня обнимите
В всевластии,
В бессмертии,
В забвении,
В забытии!

О, нежные губы, улыбкой согрейте,
Как громом убейте,
Как ядом убейте!

О, яркие очи, как Звёзды горите,
Сверкайте,
Пылайте,
Желайте,
Любите!

О, будь же моею
Пусть не на вечность.
Нам стрелка часов
Подарила беспечность.

Крылатая стая, что Тьмою зовётся,
Любовь восхваляя, над миром несётся.
В полях созревает нектар и клубника.
Ты слаще их всех, моя нежная Ника...

Химеры

Спи же, спи, моё дитя.
Веки тихо закрывай.
И родится для тебя
Небывалый дивный край.

Там корабль плывёт по небу,
Шелестит ковёр цветов,
И звенит, скача по снегу,
Тройка белых скакунов.

Там волшебник рассмеётся,
Вновь достав звезду с небес.
Дружелюбно улыбнётся
Большерогий хитрый бес.

Ты летать, как птица сможешь.
Сможешь, как огонь пылать.
Твои сны не потревожат —
Я их буду охранять.

Стану странствовать по грёзам,
Защищая твои сны.
И не будет места слёзам —
Лишь смеяться будешь ты.

Закрывай спокойно очи.
Помни — я всегда с тобой.
Ни одна химера ночи
Не нарушит твой покой.

Цирк

Шест в руках.
Огонь в небесах.
Тугой канат
Натянут впереди, и нет теперь пути назад.

Приглашённый в странный цирк,
Не как зритель — как актёр.
Обречённый делать зло.
Но я чист и не хитёр.

Я — лишь клоун, я трюкач.
Я могу творить добро.
Хочешь плачь или не плачь:
Без свободы добро — зло.

Равновесие держать
Я с трудом большим могу.
Стоит стойкость потерять
Попаду к добру и злу.

Всё без смысла.
Новый выстрел
Прогремит под куполом небес.
Траекторию ядра домысли:
Слева — ангел, справа — бес.

Это цирк, цирк, цирк.
Это ложь, ложь, ложь.
Чёрно-белый зритель оплатил спектакль.

Это пир, пир, пир.
Не уйдёшь, ждёшь, ждёшь.
Пока он рисует огненный пентакль.

Приглашённый в странный цирк,
Между двух вершин один.
Свет прожекторов слепит,
И страшит тьма чёрных дыр.

Мой колпак упал на дно,
Звон бубенчиков затих.
Льётся кровью, не вином,
В алый бархат тихий крик.

Всё без смысла.
Коромысло,
А не шест держу я на своих плечах!
И в одном ведре пожар без смысла,
А в другом — покой и страх.

Это цирк, цирк, цирк.
Это ложь, ложь, ложь.
Тот, кто сделал выбор, позабудет счастье.

Это крик, крик, крик.
Это нож, нож, нож.
Мой канат натянут, и грядёт ненастье.

Приглашённый в странный цирк,
Отрепённый от всего.
Я решаю в этот миг,
Будет ли добро и зло.

А толпа ревёт с трибун.
Я — звезда, я — их кумир.
Лишь на миг умрёт звон струн,
Попаду им всем на пир.

Я бросаю в пустоту
Ведро полное огня.
А в другую сторону
Жидкий лёд оттенка дня.

Всё без смысла.
И я быстро
Прочь отбросил палку и иду вперёд.
О любимой память стиснул.
И оркестр меня ведёт...

То — фейерверк, вверх, вверх!
То — полёт, взлёт, взлёт!
Я — лишь я, и это твёрже вязких истин!

Я поверг, сверг, сверг
Зал богов — врагов.
Я — артист созвездий, и игра мой смысл.
И игра — мой смысл...
И игра — МОЙ СМЫСЛ!

Чёрный Крест

Взгляд брось в глаза,
Что черней темноты.
В них исчезают
Былые мечты.

С чёрными мыслями
В чёрных умах
Чёрствые люди
Сгнивают в гробах.

Чёрной тучей по небу
Зло разлилось.
Чёрной птицей слетела
Ярость и злость.

Знай, что он обречён —
Он в слепой темноте.
Он мечтает во сне
Лишь о мгле в высоте.

Сквозь чёрные волны
Плывут корабли
Под чёрными флагами —
Дети Земли.

И он не вернётся,
Ты не мечтай.
Лишь мёртвый спасётся —
Ему дань отдай.

Сквозь чёрные воды
До чёрных небес
Несут обречённые
Свой чёрный крест.

Чужой

Сотня ключей к одной двери —
Где мне их отыскать?
Может быть лучше сразу уйти,
Соблазном души не терзать?

Быть чужаком на чужой земле,
И быть на своей чужим.
А быть своим только там — во сне,
Где мир создан был другим.

Где сотня путей, и их найти
Можно с лёгкостью, если желать.
Где я был Чёрный Дракон во плоти
И мог в небесах летать.

Где Тёмное войско, мечи подняв,
Бросается с яростью в бой.
Где мёртвый, из мглистой земли восстав,
Прервёт вековой покой.

О как мне сотню ключей найти
В этот прекрасный мир?
Где девушка скажет: «Мэ Эмариэ Ди»,
И Тьма призовет на пир.

Это всего лишь сон...

В лучах заката
Я слышу ветер.
Я спал когда-то,
Пока не встретил

Во сне жемчужной
Птицы очи,
Как холод выюжный,
Как шёпот ночи.

И я услышал
Нежный голос —
Шуршанье мыши,
Пшеничный колос.

Она шептала...
Она звенела...
Она летала...
И песню пела...

Всё в жизни
Бесконечно звонко,
Как сладость песнопенья,
Как сны и как виденья,
Как войны и правленья,
Рожденья и старенья.

Всё в жизни
Бесконечно просто,
Наивно и серьёзно
Морозно-жарко-звёздно,
Навеки-рано-поздно,
Смеянно-сонно-слёзно.

Всё в жизни
Дьявольски опасно,
Ужасно и прекрасно,
Понятно и неясно,
Желанно-томно-страстно,
Любовно-нежно-властно.

Всё в жизни
Бесконечно сладко,
Как мёд шербет и вина,
Как с солью оленина,
Как кольца никотина,
Пусканье в кровь морфина.

Всё в жизни
Будет в твоей власти.
Пусть в радости в напасти,
В блевотине и сласти,
В злорадости в злосчастье,
В злогрустье в злоненастье.

Всё в жизни
Между нами квито.
Твоя я Афродита.
Стрелой твоей убита,
Во мглистой тьме разбита,
Забита и забыта.

Всё в жизни
Ты узнаешь скоро,
Как быть убийцей, вором
Солдатом, живодёром,
Царём и прокурором,
Конфликтом, договором.

А я —
Судьбы твоей признание —
Исполню обещанье:
Сказать лишь «до свидания»
И ты во мгле незнанья
Отправишься в скитанья.

Она шептала...
Она звенела...
Она упала...
И не допела...

В лучах заката
Я слышу ветер.
Я спал когда-то,
Пока не встретил

Во сне жемчужной
Птицы очи,
Как холод выюжный,
Как шёпот ночи.

И тетива
Моя звенела,
Как птица часом
Прекрасно пела.

Стрелою в сердце
Она попала,
И Птица Смерти
Во смерть упала.

И алой крови
На жемчуг перьев
Пролилось море
Судьбе поверив.

Никто не властен
Моей судьбою,
И Птица Счастья
Умрёт со мною!

...

И здесь вовеки
Впадают в море
Ручьи и реки
Той птицы крови...

Я требую ответ!

Кто я такой?
Кто я такой?
Я требую ответ!
Я ни этот, ни тот, ни другой.
Сил гадать у меня больше нет.

Я бываю, как все,
Несчастный и злой,
Я бываю безумно влюблѐн.
Я бываю труслив,
Иногда сам не свой,
Иногда бесконечно силѐн.

Но слабость моя,
Но слабость моя
Везде, где моей силы нет.
Я ни этот, ни тот, ни другой.
В прочем, это давно не секрет.

Кто же ты, Сириэль?
Ты другой, ты иной.
Я обманут жестоко тобой.
Ты не тварь, и не зверь.
Ты не можешь быть Тьмой.
Но скажи тогда, кто ты такой?

Кто ты такой?
Кто ты такой?
Я требую ответ!
Ты ни этот, ни тот, ни другой.
Ты не Тень, ты не Тьма, ты не Свет.

Я могу полюбить,
Я могу не простить,
Я могу позабыть навсегда,
Клятву вечно хранить,
Шпагу смело вонзить
В пустоту, а не в сердце врага.

Кто я такой?
Кто я такой?
Я требую ответ!
Я ни этот, ни тот, ни другой.
Я потерял средь звѣзд и планет.

Если мой Свет — Тьма,
То какова Тьма?
Если Тьма моя — Свет,
То каков этот Свет?

Кто я такой?
Кто я такой?
Никто не знает ответ.
Тьма позабыла его.
У Света его нет.

Глава Поняков
(гр. «Зелёная Дюна»)

Закончилось лето

Шахтёры на рельсах, партизаны в кустах.
Распятые на придорожных крестах,
Сожжённые на погребальных кострах
Последние дни.
Последние дни, они как и ты —
Свободные дети свободной любви,
Считают на пальцах последние дни
Просроченных виз.

Закончилось лето, пора возвращаться домой.
Закончилось лето, пора возвращаться домой.

Засуха, стужа... Умирать не всерьёз...
Представь, что все пули проходят насквозь,
Что все поезда идут под откос,
И стрелочник спит.
Я хлебные крошки смахну со стола,
Забуду про всё и забуду на дела,
И если нет водки, то хлебну из горла
Этиловый спирт.

Закончилось лето, пора возвращаться домой.
Закончилось лето, пора возвращаться домой.

Ещё одну жизнь принимаем, как дар,
И девственность сходит, словно первый загар.
Тревожною точкой мерцает радар
Зрачка её глаз.
Страх одиночества — сто тысяч лет,
Но, как сказал мне один знакомый поэт,
Самый лучший мир — тот, которого нет,
В котором нет нас.

Закончилось лето, пора возвращаться домой.
Закончилось лето, пора возвращаться домой.

Закончилось лето, и будущего нету,
И пальцы дрожат на курке пистолета.
Закончилось лето,
Закончилось лето...

Невыносимо

Невыносимо

Слышать, как кто-то плачет за соседней стеной.
Чёрной звездой Хиросимы
Догорает солнце над моей стороной.

Оркестр играет аккорд,
Но в каждой ноте я чувствую фальшь.
Время лопнуло медной трубой,
Грязной водой затопило последний этаж.

Остался последний патрон
В верной обойме идей поколения Next.
Все дороги сошлись крестом.
Я раскинул руки и сам стал похожим на крест.

Я лечу в никуда,
Задевая крылом провода телеграфных столбов.
И я сегодня стал ближе к тебе
На пару непрожитых лет и несказанных слов.

Неумолимо

Ковчег наполняется энным количеством тел.
Качается маятник, мимо
Прносятся тени плывущих на юг каравелл.

Бьётся сердце беззвучного мира,
Ударяясь о мёртвую плоть.
А там, за стеною соседней квартиры,
Плачет ночами непонятый нами Господь.

По фейсу

Я схожу с ума, я сбиваюсь с ритма:
Третий день подряд продолжается битва.
Смертью храбрых полегли в траншеях извилин и совесть, и честь.
Престарелый царь чует: дело плохо.
Он просрал корону и похож на лоха.
Он бежит, но ему, по ходу, головы не снести, не снести.

Сегодня птицы прокричали мне: «Земля, земля!»
Я скомандовал: «Лево руля!» — и не вернулся из рейса.
И теперь только райские девы
Щекочут мне пятки и нервы.
Я пошлю их в ответ и рискую получить по фейсу.

Кто бы мог подумать, что всё так просто:
Ты зашла на минутку, но было поздно
Возвращаться домой, ты осталась со мной навеки, это факт.
Я грузил тебя метафизической чушью,
Я толкал тебе лечки про бессмертную душу.
Просто я хотел тебя трахнуть, но не знал, как.

Сегодня птицы прокричали мне: «Земля, земля!»
Я скомандовал: «Лево руля!» — и не вернулся из рейса.
И теперь только райские девы
Щекочут мне пятки и нервы.
Я пошлю их в ответ и рискую получить по фейсу.

Каждый мартовский кот вокруг — негодяй,
Но всю ночь напролёт мы поём и бухаем.
Если бы нас сейчас видел папаша Каин, проглотил бы язык.
И на каждом столбе висит моё фото,
И менты продолжают свою работу,
Но только — верите, нет — мне давно уже похуй, я к этому привык.

Сегодня птицы прокричали мне: «Земля, земля!»
Я скомандовал: «Лево руля!» — и не вернулся из рейса.
И теперь только райские девы
Щекочут мне пятки и нервы.
Я пошлю их в ответ и рискую получить по фейсу.